

Как мне сообщалось, трех Главных призов по разделу художественных фильмов были удостоены картины «Частная жизнь», «Влюблен по собственному желанию» и «Юность гения». Если первые две работы уже хорошо знакомы зрителю, то фильм режиссера Э. Ишмухамедова явился подлинным открытием фестиваля. Сегодня мы представляем лауреата.

НАЧНУ с признания — я очень люблю фильмы режиссера Эльера Ишмухамедова, даже не самые удачные из них. Люблю за «легкое дыхание» сюжета, всегда свободного, прихотливо ненавязчивого, лишенного многозначительной скуки. Люблю за атмосферу волшебства, за обаяние какой-то трепетной романтичности, возникающей, как сказал поэт, «из ничего и ниоткуда» — из пелены свежего таинственного дождя, из сутолоки уличной толпы, из тепломерцающих тусклых фонарей. И, наконец, люблю за ясность и цельность героев — прямодушных и добрых, прочных и нежных...

Первый фильм Ишмухамедова так и называется — «Нежность». Прошло уже 15 лет с того дня, когда, растроганный и смятенный, я долго сидел в зале, боясь спугнуть очарование только что закончившегося фильма.

Потом были другие картины режиссера — «Влюбленные», «Встречи и расставания», «Птицы наших надежд», «Какие наши годы!». Одни из них были удачны больше, другие меньше, но ощущение авторской исповедальности возникало всегда. И всегда возникало желание продлить с режиссером диалог — уже за пределами экрана. И вот — встреча на Ленинградском кинофестивале, и долгий разговор, и искренность интонаций — с обеих сторон.

— Режиссер — не судья своим картинам, — говорит Эльер. — И не ему оценивать, удались они или нет... Но годы даруют если не мудрость, то трезвость взгляда на прожитое, на сделанное. Сегодня, рассматривая свои первые картины «Нежность» и «Влюбленные» «холодными глазами», видишь в них много изъянов, профессиональных ошибок, идущих от молодости. И я не понимаю кокетства иных режиссеров, которые утверждают, что с годами в своих первых работах не стали бы ничего менять. Я бы поменял многое... Но и многое бы оставил, и прежде всего — свежее дыхание подлинных чувств... Это то, что нельзя симитировать, привнести искусственно в фильм. Вместе с моим другом драматургом О. Агишевым мы тогда как умели, как могли рассказывали о том, что нас тревожило, радовало, разочаровывало в жизни, во что мы верили...

Из первых двух картин мне нравится сегодня больше «Нежность». В ней, кажется, есть ощущение длящейся, неостановимой жизни, текущей и за рамками сюжета, экрана, есть сложное переплетение судеб, настроений, эмоций. Помните, как в финале картины на лице девушки, одиноко затерявшейся среди праздничного карнавала, читается сложная гамма чувств — и грусть, и тоска по несбывшемуся, и предощущение счастья. И все это в пределах одной сцены.

Что касается картины «Влюбленные», то я ее поначалу не хотел делать, опасаясь самоповтора. Что же заставило взяться тогда за камеру?

В те годы я много смотрел зарубежных фильмов, это был целый каскад высокого кино — работы Антониони, Кураса-ви, Бергмана, Феллини. Там каждый кадр заявлял о своем совершенстве, там каждая мизансцена годилась в учебники по кино, и все же после просмотра возникало нередко чувство протеста, несогласия с концепцией фильмов. Ибо почти все из них были об одном: о невозможности любви, о тщетности надежд, о призрачности человеческих отношений. Но мы были тогда очень молоды, мы ждали любви, мы верили в будущее, мы надеялись на преданность друзей. И потому возник фильм «Влюбленные» — как гимн прекрасной, чарующей, загадочной жизни, гимн молодости, яркости первого чувства,

надежности мужского рукопожатия. Важно верить в жизнь, в себя, в людей, в доброту, в ясность солнечного утра, в преходящесть неприятностей, страданий — такую программу всем своим существом утверждали герои фильма, утрачивая в то же время и наше мироощущение.

Ну что же, к словам режиссера нужно только добавить, что фильмы «Нежность» и «Влюбленные» выразили мироощущение не только авторов, но и всего поколения, выросшего уже в послевоенное, мирное время. И не случайно сегодня без этих картин трудно представить наш многонациональный экран. Тонкий лиризм и ясность нравственных оценок, внимание к повседневности и стремление говорить о вещах всеобщих — все это сформировало стиль авторов, отмеченный редкостным своеобразием, подкупающей мягкой интонацией, слегка подернутой дымкой грусти. Это была исповедь о случившемся с авторами, это был рассказ о своей молодости, такой пленительной и короткой, как вздох... Но уже

от своего сомнамбулического состояния: увидел, как меня здесь ждут, почувствовал, как вкусен кумыс, осознал, как радостен бывает смех. Прикосновение к родному, с детства знакомому миру простых и ясных чувств словно исцелило меня. Может быть, я тогда впервые осознал слово «Родина» в его сложной и загадочной глубине.

Вот всего лишь два случая из суммы разнородных впечатлений, поездок, встреч и расставаний, которые постепенно, исподволь, подводили нас с Агишевым к теме фильма «Встречи и расставания». Мы часто в это время бывали за границей, много думали о родных местах, тосковали по ним, понимали истинную цену привычным понятиям, значение которых обострила кратковременная разлука. И не случайно картина первоначально называется «Обретение» — о постепенном обретении чувства Родины молодым парнем, работающим в

рослевшего лет на 15, утрачившего за это время и доверчивость и простодушную контактность, зато выработавшего в себе хватку, нахрапистость, «умение жить». Так в этой картине мы словно прощаемся с юношескими иллюзиями — и своими, и своих героев, приступая к острому, трезвому разговору о реальных проблемах реальной, а не вымечтанной жизни. Молодость — удивительная пора, сотканная из первой влюбленности, неясных грез, романтических порывов души. Но она проходит, и жизнь предстает такой, какова она на самом деле — погруженной в быт, работу, стрессы, требующей от каждого человека цельности, нравственной определенности, способности не поддаваться компромиссам. Наш главный герой Таш, подобно Родину из «Влюбленных», сохранил в себе лучшие качества, вынесенные из юности, он их закалил и упрочил в борьбе с невзгодами, в то время как Шухрателло, спекулирующий дефицитными лекарствами, и отчасти Назар, выгодно женившийся, поддались соблазну «красивой жизни», а значит, предали идеалы юности.

«Какие наши годы!» — картина для Агишева и Ишмухамедова принципиальная, в которой открыто, остро сталкиваются разные мировоззренческие позиции. Наверное, не все удалось им в этом фильме, и «остаточные явления» безмятежно-лирического стиля порой диссонировали с жестким характером разговора, то и дело ослабляя силу главного конфликта, который решается едва ли не в публицистических тонах. Но даже ошибки не проходят для режиссера бесследно... Мне кажется, что без последних своих картин Ишмухамедов не смог бы поставить «Юность гения» — самую гармоничную и зрелую свою работу, отмеченную на фестивале в Ленинграде Главным призом. Здесь счастливо соединились и трезвость взгляда на события прошлого, и острая современность подхода к личности героя, и присущая его ранним картинам лиричность, без которой повествование о Х веке осталось бы холодным и бесстрастным.

— Когда мне предложили снять фильм о Авиценне, я сначала отказался — считал и считаю себя приверженцем современной темы. И лишь с третьего раза согласился, прочитав уже готовый сценарий Агишева. Заинтересовала эпоха, заинтересовала личность самого героя, его идеи.

Имя Авиценны — одно из самых светлых в истории земли, на которой я родился. Это был замечательный медик, философ, поэт, математик, естествоиспытатель... Он уже к 10 годам знал многие науки, а к 17 его настала слава непревзойденного врача. Но несмотря на столь поразительные успехи, он яростно работал над собой, целиком посвятив всего себя идее служения человечеству. Этой своей устремленностью в будущее, глубоким гуманизмом Авиценна, конечно же, близок нам и сегодня.

Мы с Агишевым вовсе не стремились сделать канонический исторический фильм. Соблюдая в главном точность реалиям X века, мы думали о современном звучании картины. Ибо тема совести, честного служения науке, искусству, тема выбора жизненной позиции столь же злободневна, сколь и вековечна. И в этом смысле «Юность гения» — не отступление от наших принципов, не бегство в седую старину, а подготовка к новой картине о современности. Мы надеемся, что прикосновение к глубокой истории поможет взглянуть на проблемы сегодняшнего дня более остро, зрело, масштабно...

Какой будет новая картина Эльера Ишмухамедова? Этого не знает пока и он сам. Тем более, что со своим другом и соратником Агишевым они на время решили поработать по-разному. Конечно, замыслы у режиссера есть, и они по-разному интересны. Но Ишмухамедов сомневается, думает, снова сомневается... Не станем его торопить...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТА

НЕЖНОСТЬ С ГОРЕЧЬЮ ПОПОЛАМ...

«Влюбленные» показали, что эксплуатировать найденное больше нельзя, что лирическую интонацию — слишком личностную, а потому в чем-то ограниченную надо как бы «разомкнуть». Так появился фильм «Встречи и расставания» — свежий, упругий, философичный, думается, недооцененный в свое время зрителями и прессой.

— «Встречи и расставания», — рассказывает режиссер, — картина для нас с Агишевым была принципиально новая, выходящая разговор на более широкий круг вопросов, нежели это было раньше. Мы хотели понять, что такое земля, на которой выросли, какими корнями все мы с ней связаны.

Поводом, непосредственным толчком для создания картины послужил реальный случай, произошедший в Австралии. Я был в этой стране в туристической поездке, и мне рассказали о старой чете русских людей, бог весть какими ветрами занесенной так далеко от Родины. Они были богаты, имели прекрасную виллу, но однажды в Австралию приехал наш ансамбль «Березка»... Они просмотрели весь концерт, а потом приехали в свой благополучный, изобильный дом и отравились, написав лишь маленькую записку: «О Родина, Родина...»

Родина — слово очень большое, емкое, многозначное. Для кого-то — это целая страна, для кого-то — маленький кишлак, но очень часто эти понятия живут в сердце, как бы прорастая друг в друга. Я вспоминаю еще один случай, который, наверное, каким-то образом отразился в картине, ведь каждая новая работа — это сплав твоего опыта, мыслей, чувств, переживаний, обретений и потерь. Помню, я одно время был в каком-то потерянном состоянии духа, ничто меня не радовало, ничего не писалось, не хотелось снимать. В городе я сел в такси и односложно стал говорить шоферу команды «налево», «направо», не имея определенной цели. И вот, помню воли, я оказался в деревне, где живет мой дед, где прошли лучшие минуты моего детства. И здесь со мной произошло что-то невероятное — я словно очнулся

заграничной командировке. Прикоснувшись к чужому миру, к горю и отчаянию людей, оставшихся без Отечества, наш герой осознает всю живость неразрывных уз, связывающих его с родной землей, родным селением, дымом родного очага...

В этом месте мне бы хотелось поспорить с режиссером. Действительно, тема обретения Родины — главенствующая в фильме. Но она решена скорее пластически — через ряд заораживающих панорам родной земли, через тонкие и лиричные съемки деревенского праздника, рождающие у главного героя Рустама ностальгию, через столкновение кадров чужой и нашей земли. Но вот как тема обретения Родины прошла через сердце, душу Рустама — этого мы из фильма так до конца и не узнаем. Он порой слишком безмятежен, наблюдая чужие встречи и расставания, мир его чувств слишком бесконфликтен. Усложнив тему фильма, авторы поставили в его центр все того же лирического героя, знакомого нам уже по первым их фильмам. Мне кажется, что этот просчет почувствовал и сам режиссер, потому что в следующих своих работах он, сохранив присущую ему поэтичность, обратился к характерам сложным, конфликтным — социально острыми, красным — жестким. И если фильм «Птицы наших надежд», впервые сделанный без участия Агишева, знаменует собой скорее этап издержек на пути к неизведанному, то картина «Какие наши годы!» покоряет новым качеством режиссуры, отказом от наработанного багажа. Ишмухамедов смотрит на своих героев не только с нежностью, но и вполне острой горечью, ведь не все из них остались верны заветам своей юности.

— Эта картина для нас с Агишевым во многом итоговая, — рассказывает режиссер. — Она как бы завершает цикл фильмов, начатый «Нежностью». И не случайно в фильме «Какие наши годы!» есть ряд переключек с нашей первой работой. Помните Санжара из «Нежности» — доверчивого, открытого паренька, словно источающего обаяние, оптимизм, жизнелюбие? В картине «Какие наши годы!» этот же актер играет героя, повз-